Махлаюк А.В.

Religio castrensis и воинский этос в армии императорского Рима

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1516]

[Публикация работы:]
Махлаюк А.В. 2003: Religio castrensis и воинский этос в армии императорского Рима // Studia historica. Вып. 5, 109-133.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Махлаюк А.В.

RELIGIO CASTRENSIS И ВОИНСКИЙ ЭТОС В АРМИИ ИМПЕРАТОРСКОГО РИМА

Современные исследователи, изучающие религиозную жизнь Древнего Рима, справедливо отмечают, что в реальности не существовало некой единой «римской религии», но правильнее говорить о «римских религиях, соответствующих различным социальным группам: городу, легиону, подразделениям легионов, коллегиям служащих или ремесленников, кварталам, семьям и т. д.»[1]. Среди всего огромного многообразия религиозных представлений и культовых практик римского мира особое место, несомненно, принадлежит религии военных людей, или, по более конкретному и ёмкому выражению Тертуллиана, religio castrensis (Apol. 16. 8; Ad nationes. I. 12).

Христианский апологет не без веских на то оснований усматривал ее сущность и главное содержание в поклонении военным штандартам (signa militaria). С такой точкой зрения, по существу, был солидарен и основоположник изучения религии римской армии А. фон Домашевский, который считал её ядром культ знамён и писал даже о преобладании среди армейских культов (по меньшей мере до эпохи Северов) Fahnenreligion[2]. Не подлежит сомнению, что именно поклонение военным значкам и штандартам, имевшим характер объектов подлинно религиозного почитания, было наиболее тесным образом связано с ценностными приоритетами римских солдат. Об этой стороне солдатской религии автору этих строк уже приходилось писать[3]. Поэтому в предлагаемой работе предметом нашего внимания станут другие аспекты такой важной, но всё ещё недостаточно исследованной проблемы, как соотношение религиозных практик и представлений с военно-этическим ценностями императорской армии.

При изучении данных аспектов мы считаем целесообразным использовать понятие *этоса*, как оно понимается, например, в известной работе М. Оссовской[4]. По её мнению, этос — это то, что относится к сфере практической морали, воплощённой в нравах, привычках, суждениях и оценках, стиле жизни определённой общественной группы, и охватывает такие ценности, которые часто не совпадают с теми, что являются предметом *этики*, т. е. официально санкционированным и публично

---

[1] Scheid J. La religion des romains. P., 1998. P. 20.

[2] Domaszewski A. von. Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. S. 10 ff.; 19. См. также: idem. Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885.

[3] Махлаюк А. В. «Религия и любовь к знамёнам». К вопросу о культе знамён в римской армии // Боспор и античный мир. Н. Новгород, 1997. С. 167—180; он же. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000. С. 189—203.

[4] Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. М., 1987. С. 26.

поощряемым, нередко идеологически обоснованным поведенческим кодом, эксплицитно формулируемым в качестве нормативного идеала. На наш взгляд, воинский этос следует рассматривать как эмпирическое восприятие и практическую реализацию в солдатской среде того военно-этического кодекса, который, с одной стороны, вырабатывается непосредственно в практике военной деятельности и общения в армейской среде, а с другой, предъявляется обществом и государством вооружённым силам, официально пропагандируется и закрепляется в сакральных и правовых нормах[5].

Объектом нашего анализа будут главным образом вотивные надписи, сделанные солдатами и офицерами императорской армии. Эти любопытнейшие и достаточно многочисленные памятники несут исключительно ценную, во многом уникальную информацию об иерархии и содержании ценностей, бытовавших в военной среде, и показывают их теснейшую взаимосвязь с религиозными установлениями и чувствами. Однако в таком ракурсе данные памятники, насколько я могу судить, специально ещё не изучались. Не имея возможности в рамках данной статьи охватить все известные эпиграфические материалы, несущие соответствующую информацию, мы ограничимся только наиболее интересными и показательными свидетельствами, позволяющими выявить корреляцию военно-этических представлений и религиозно-культовой практики римской армии.

Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению этих свидетельств, нужно сделать несколько предварительных замечаний общего плана. Во-первых, стоит отметить, что для самих римлян, чрезвычайно гордившихся своим благочестием и религиозностью[6], неразрывная взаимосвязь религии с военным делом и войной представлялась очевидной и чрезвычайно важной[7]. Достаточно напомнить известные слова Сенеки Младшего о том, что «первые узы военной службы — это религия» (Epist. 95. 35: primum militiae vinculum est religio). Согласно же сентенции, высказанной автором «Александрийской войны», в сражениях «более всего помогает милость бессмертных богов, которые вообще принимают участие во всех превратностях войны, особенно же там, где всякие человеческие расчёты бессильны»

---

[5] Махлаюк А. В. Армия Римской империи... С. 6—7.

[6] Ср. прежде всего знаменитое высказывание Цицерона в речи об ответах гаруспиков: «благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превзошли все племена и народы» (Cic. De harusp. resp. 9. 19. Пер. В. О. Горенштейна). Подробнее о сущности римской «набожности» см.: Muth R. Vom Wesen römischer «religio» // ANRW. II. 16. 2. B.; N. Y., 1978). S. 291 ff.

[7] См., в частности: Le Bonniec H. Aspects religieux de la guerre a Rome // Problèmes de la guerre á Rome / Sous la direction de J.-P. Brisson. P., 1969. P. 101—116; Helgeland J. Roman Army Religion // ANRW. II. 16. 2. 1978). P. 1470—1505; Rüpke J. Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990. Популярный очерк общего плана по данной теме см.: Махлаюк А. В. Римские войны. Под знаком Марса. М., 2003. С. 43—63.

(пер. М. М. Покровского)[8]. В то же время не менее характерно для римлян было и убеждение в том, что прямое участие и помощь богов в военных делах отнюдь не исключают высокой значимости личных усилий и доблести солдат и военачальников (см., например, Caes. BG. V. 52. 6; Liv. XXII. 5. 2; App. Syr. 37; Plut. Popl. 23). Так или иначе, военные установления и традиции римлян — от военной присяги, устройства лагеря, воинских церемоний и ритуалов до практики командования и дисциплины — с древнейших времён настолько тесно были взаимосвязаны с сакральной сферой, что современные исследователи имеют все основания заключать, что «вся военная жизнь Рима была, явно или неявно, религиозным феноменом», а армейская религия является символическим воплощением «воюющего римского народа»[9].

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что religio castrensis в том виде, в каком она предстает в эпоху Империи, когда, по существу, о ней только и можно говорить как о специфическом феномене, связанном с превращением армии в особую корпорацию, в высшей степени неоднородна. Армейская религиозно-культовая практика отличалась большим многообразием и широким плюрализмом, как с точки зрения ее локальных вариантов, так и с точки зрения структуры и иерархии самих вооруженных сил Империи: в различных регионах дислокации, в разных родах войск, частях и подразделениях, на разных уровнях армейской иерархии обнаруживаются специфические особенности и в выборе наиболее популярных божественных покровителей, и в принятых формах их почитания. Нельзя забывать также о неизбежных диахронических изменениях, об индивидуальных вкусах и пристрастиях, о переменчивых веяниях религиозно-политической «моды», связанной с определенными предпочтениями того или иного правителя. Кроме того, характер и состояние наших источников сильно усложняют задачу полной и разносторонней реконструкции многих феноменов, относящихся к религии римской армии. Данные литературных свидетельств, эпиграфики, археологии и папирологии подчас бывает очень сложно соотнести друг с другом, т. к. они отражают разные стороны культовой практики и религиозных взглядов и чувств солдат.

Было бы, однако, ошибкой полностью отрицать определенное единство religio castrensis, которое обусловлено как устойчивыми, консервативными традициями (восходящими часто к очень ранним временам), так и сознательными, целенаправленными усилиями военных властей, использовавших религию как весьма эффективное средство морально-политического и идеологического воздействия на солдатскую массу, становившуюся с течением времени все более разнородной по своему происхождению и культурному облику. Единство — и даже известное

---

[8] Ps.-Caes. B. Alex. 75. 3: ... adiuvante... plurium deorum immortalium benignitate; qui cum omnibus casibus belli intersunt, tum praecipue, quibus nihil ratione potuit administrari. Ср. также Plut. Marc. Cor. 4.

[9] Helgeland J. Op. cit. P. 1471; 1472—1473.

единообразие — религиозной жизни в армии обеспечивалось, в частности, стандартным для всех воинских формирований религиозно-праздничным календарём. Его образец, относящийся к правлению Александра Севера (скорее всего к 223—227 гг.), но восходящий по своему основному содержанию, по всей видимости, ко времени Августа, сохранился на известном папирусе, обнаруженном в ходе раскопок в Дура-Европос среди документов архива дислоцированной здесь когорты вспомогательных войск — cohors XX Palmyrenorum. Это P. Dur. 54, именуемый обычно Feriale Duranum[10]. Как показывают его текст и другие документы, обязательность отправления официальных государственных культов в армии была сильна, как, наверное, ни в одном другом сегменте римского общества. Тесные персональные связи императора и армии, находившие выражение в разнообразных религиозных формах, ещё более усиливали официальную политическую компоненту в армейской религии. Наконец, общее принципиальное единство religio castrensis коренилось, вне всякого сомнения, и в особенностях самой воинской профессии, которые определяли самосознание и идентичность солдат не в меньшей, а скорее всего в большей степени, нежели этнокультурные корни военнослужащих или правительственная пропаганда и все прочие факторы.

Профессионально-корпоративное сознание римских воинов в значительной мере было пронизано религиозными интенциями. Можно утверждать, что по большому счету сама военная служба в Древнем Риме изначально рассматривалась как исполнение долга не только гражданского, государственного, но и религиозного, как служение в первую очередь богам[11]. Прежде всего это связано с институтом военной присяги (sacramentum militiae), которая в Риме всегда была и оставалась по своей сути актом религиозным — «священным таинством Римской державы», как выражается в одном месте Геродиан (VIII. 7. 4)[12]. Нарушение присяги считалось

---

[10] Editio princeps: Fink R. O., Hoey A. S., Snyder W. F. The Feriale Duranum // Yale Classical Studies. 1940. 7. P. 1—222. См. также: Fink R. O. Roman Military Records on Papyrus. Cliveland, 1971. N 117. P. 422—429 (с подробной библиографией). Русский перевод этого военного календаря (сделанный, правда, с французского языка) имеется в кн.: Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001. С. 369—371.

[11] Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 28 suiv., 70 suiv.

[12] О сакральном значении римской военной присяги см., частности: Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 49—50, 54—55; 70 suiv.; Helgeland J. Op. cit. P. 1479. Из более ранних работ можно указать; Klingmüller. Sacramentum // RE. Bd. I. A. 2. 1920. Sp. 1668; Tondo S. Il sacramentum militiae nell'ambito culturale romano-italico // Studia et Documenta Historiae et Iuris. 1963. XIX. P. 1—131; idem. Sui sacramentum militiae // Studia et Documenta Historiae et Iuris. 1968. XXXIV. P. 376—396; Brand C. E. Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 97—98. См. также: Токмаков В. Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 125—147; он же. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней Республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 43—59.

преступлением против богов (nefas), а виновный в этом становился sacer, т. е. предавался проклятию[13]. Весьма примечательно употребление в ряде текстов выражения religio sacramenti («святость присяги»), причем встречается оно не только в сугубо риторическом контексте, как, например, у Тита Ливия (XXVI. 48. 12; XXVIII. 27. 4) или в одном из Латинских панегириков (IX. 24. Baehrens. P. 211), но и в одной из конституций Каракаллы (Cod. Iust. VI. 37. 8). Вполне вероятно, что в изложенной Вегецием формуле присяги, относящейся уже к позднеримскому времени и имеющей явное христианское содержание[14], сохранился традиционный, «языческий» взгляд, согласно которому военная служба и верность тому, кому принесена присяга, являются, соответственно, службой и верностью божеству[15].

Таким образом, можно констатировать, что, по римским представлениям, достойная служба отечеству и императору, воинская доблесть и честь были неотделимы от такой основополагающей римской ценности, как pietas — «благочестие», которую исследователи по праву признают и одной из отличительных черт солдатской ментальности[16]. Римский солдат проявлял, а иногда и прямо подчёркивал это благочестие не только тогда, когда исполнял обеты тем или иным божествам или совершал религиозные акты в честь правящих императоров[17]. Благочестие в некоторых

---

[13] Cic. De off. I. 11. 37; Dion. Hal. Ant. Rom. XI. 43; Macrob. Sat. III. 7. 5; Isid. Etym. V. 24. 30.

[14] Veget. II. 5: Iurant autem per Deum et Christum et Sanctum Spiritum et per maiestatem Imperatoris, quae secundum Deum generi humano diligenda est et colenda. Nam Imperatori, cum Augusti nomen accepit, tanquam praesenti et corporali Deo fidelis est praestanda devotio, et impendenus pervigil famulatus. Deo enim vel privatus, vel militaris servil, cum fideliter cum diliget, qui Deo regnat auctore. («Они [воины] клянутся именем Бога, Христа и Святого Духа, величеством императора, которое человеческий род после Бога должен особенно почитать и уважать. Как только император принял имя Августа, ему, как истинному и воплощённому богу, должно оказывать верность и поклонение, ему должно воздавать самое внимательное служение. И частный человек и воин служит Богу, когда он верно чтит того, кто правит с Божьего соизволения». — Пер. С. П. Кондратьева).

[15] Ср. Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 53—54.

[16] Ulrich Th. Pietas (pius) als politischer Begriff im römischen Staate bis zum Tode des Kaisers Commodus. Breslau, 1930. S. 41—49; Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 360. Ср. Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 252.

[17] Так, например, в вотивной надписи центуриона III Августова легиона М. Аврелия Януария к традиционной формуле v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito) a(nimo) добавлено p(ius), «охотно, достойно, от души, благочестиво исполнил обет» (AE. 1960. 264). Во многих надписях, сделанных в честь императоров армейскими подразделениями, дислоцированными в провинции Британия, использована характерная формула pro pietate ac devotione communi — «в знак благочестия и всеобщего благоговения» (например, RIB. 976, 1202, 1235, 1705). В посвящении богине Deaniae (sic!) Aug(ustae), сделанном за здравие императора Адриана его конными телохранителями (equites singulares), стоявшими на зимних квартирах в Герасе (Декаполисе) около Антиохии, формула v. s. l. m. дополнена указанием на то, что обет исполнен «из [чувства] чести и благочестия» — honoris et pietatis causa (Smallwood E. M. Documents illustrating the principate of Nerva, Trajan and Hadrian. Cambridge, 1966. P. 114. № 332).

случаях прямо отмечается в качестве главной отличительной черты всей прожитой солдатом жизни. В надгробной надписи (датируемой 57—58 гг. н. э.) из Африки солдата Л. Фламиния, который погиб в сражении на двадцатом году службы, сказано: vixit pie (CIL. VIII. 14603 = ILS. 2305). Ещё выразительнее звучат слова эпитафии М. Блоссия Пудента, заслуженного центуриона V Македонского легиона, который умер буквально за один день до завершения своего пребывания в должности примипила (prope diem consummationis primi pili sui). Похоронивший его вольноотпущенник указал в надписи, что его «наилучший патрон прожил 49 лет sanctissime» (CIL. VI. 3580 = ILS. 2641; время Флавиев, Рим). На другом солдатском надгробии из Рима, которое сделал Калидий Квиет фрументарию VI Победоносного легиона М. Ульпию Квинту Глеву, последний назван frater observatus piissimus — «почитаемый благочестивейший брат» (ILS. 2365; ср. CIL. III. 8124: pientissimus). Легионеры, граждане [ex] civitate Anche[alo...], fratres et contubernales похоронили своего сослуживца по XXI Первородному легиону [ob] pietate (CIL. XIII. 7292).

В высшей степени показательно, что благочестие, неотделимое от храбрости и верности, на официальном уровне признавалось как почетнейшее качество, которым могли обладать и целые легионы, и отдельные воины. Весьма интересна в этом отношений надпись из Майнца (Mogontiacum), датируемая 229 г., в которой сообщается о принесении военным трибуном (?) дара Pietati leg(ionis) XXII Pr(imigeniae) [Alexandr(ianae)] p(iae) f(idelis) et Honori aquilae (CIL. XIII. 6752). Благочестие конкретного легиона и Честь орла выступают здесь, таким образом, как обожествленные абстракции. Титул pia присваивался, наряду с другими почетными наименованиями, многим легионам (в частности, III Августову, VII Клавдиеву, II Вспомогательному, II Парфянскому и другим[18]). Даже в таких официальных документах, как сенатские постановления или военные diploma, содержатся иногда специальные формулировки, отмечающие соответствующие качества, проявленные солдатами на императорской службе. Например, в известном сенатусконсульте по делу Гн. Пизона-отца сенат восхваляет воинов, которые проявили верность и благочестие по отношению к дому Августа (quam fidem pietatemq(ue) domui Aug(ustae) praestarent)[19].

---

[18] См.: Ritteling E. Legio (die Prinzipatszeit) // RE. Bd. XII. 2 (1925). Sp. 1211—1829; Fitz I. Honorific titles of Roman military units in the third century. Budapest, 1983.

[19] SC de Cn. Pisone Patre. Lin. 161. Цит. по: Князев П. А. Правосудие принцепса и сената в уникальном документе 20 г. н. э.: Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre (характеристика постановления и его перевод) // Из истории античного общества. Вып. 8. Н. Новгород, 2003. С. 39—61.

А в недавно найденном военном дипломе от 5 сентября 85 г. н. э. говорится о предоставлении ius conubii воинам преторианских и городских когорт, «которые отслужили храбро и благочестиво» — quibus fortiter et pie militia functis[20].

Разумеется, официальные оценки и представления могут существенно расходиться с реальным поведением и ценностями простых солдат, но не подлежит сомнению, что первые служили определенными ориентирами для вторых. Чтобы обнаружить конкретное содержание солдатского благочестия, следует рассмотреть памятники, принадлежащие отдельным воинам, обратив внимание на отмечаемые во многих надписях обстоятельства и мотивировки принесения и исполнения обетов, а также на состав тех божеств, которым адресовывались солдатские vota. Рассмотрим эти моменты по порядку.

Прежде всего нельзя пройти мимо того факта, что в целом ряде надписей указывается, что обет был дан при самом вступлении на военную службу или в младших чинах, а исполнен уже при выходе в отставку или в связи с получением более высокого чина. Приведем ряд наиболее характерных примеров. Так, ветеран, бывший корникулярий трибуна М. Анниолен Фавст, выйдя в почетную отставку, сделал посвящение Юпитеру Статору, которое обещал ещё будучи рядовым воином — quod miles voverat (ILAlg. I. 1027). Также по увольнении в отставку в 194 г. исполнил обет, принятый ещё в бытность солдатом (quod miles susceperam), бенефициарий консуляра М. Монтаний Целер (AE. 1996. 1181). Эвокат Августа Секст Атузий Приск поставил алтарь Тиберину, который обещал, когда еще служил рядовым солдатом (caligatus) (ILS. 2152 = Фёдорова. 339). Вообще количество посвящений, как индивидуальных, так и коллективных, сделанных по случаю увольнения в почетную отставку (honesta missio), очень велико; и хотя далеко не во всех из них указывается на конкретные обстоятельства принесения соответствующих обетов, можно предположить, что успешное завершение долгой, зачастую многотрудной и опасной воинской службы солдаты напрямую связывали с благорасположением и помощью богов, которым и делали посвящения, не скупясь при этом на немалые расходы[21].

---

[20] Roxan M., Eck W. A military diploma of AD 85 for the Rome cohorts // ZPE. 1993. 96. P. 67—74.

[21] В качестве примеров исполнения индивидуальных обетов можно указать: посвящение, сделанное voto suscepto сразу нескольким богам и богиням, а также Гению императора Адриана М. Ульпием Терцием, уволенным в почетную отставку из отряда конных телохранителей (CIL. VI. 31139; 128 г.); надпись отставного преторианца, посвятившего ex voto статую с базой Юпитеру Консерватору и сослуживцам своим и будущим (CIL. VI. 375 = ILS. 2104; 148 г.); посвящение другого преторианца, который, также ex voto, принёс в дар Гению центурии изображение Геркулеса Защитника за здравие августов (Септимия Севера и Каракаллы) (CIL. VI. 210 = ILS. 2103; 208 г.); ещё одно посвящение Гению центурии, которое сделал, исполнив обет, К. Сервилий Рогат, отпущенный в отставку в чине опциона (CIL. VIII. 2531 = ILS. 2443). Примерами коллективных обетов могут служить: посвящение сразу десяти божествам, сделанное в 118 г. конными телохранителями императора в количестве 100 человек, которые были уволены в почетную отставку Адрианом (ILS. 2180 = Smallwood M. Op. cit. N 335); или надпись 124 г. из Аквинка, поставленная гражданами Иазы из Верхней Паннонии, служившими во II Вспомогательном легионе, которые исполнили обет по случаю того, что они отпущены в почетную отставку (AE. 1904. 95 = Штаерман. 1468).

Очевидно, что во многих случаях моменты принесения и исполнения соответствующих обетов разделялись немалым временным интервалом.

Ещё более любопытны свидетельства, которые указывают на то, что римские воины напрямую связывали с божественным покровительством свои успехи в служебной карьере. Некоторые солдаты, вероятно, мечтали о них в самом начале своего боевого пути, подобно примипилу I Италийского легиона Л. Максимию Гетулику, который в 184 г. после 57 лет службы исполнил Августовой Победе Всебожественной Святейшей обет, принесённый им, когда он ещё был новобранцем при XX-м Валериевом Победоносном легионе: quod tiro aput (!) leg(ionem) XX V(aleriam) V(ictricem) voveram nunc p(rimus) p(ilus) leg(ionis) I Ital(icae) stip(endiorum) LVII v(otum) s(olveram)... (AE. 1985. 735)[22]. Гомоний Квинтиан в своем посвящении Юпитеру Наилучшему Величайшему и Гению схолы знаменосцев указал: quod signifer vovit, (centurio) solvit (RIU. II. 412). Exercitator (инструктор) II легиона Adiutricis Г. Куспий Секунд, сделав посвящение Marti Aug(usto), то, что обещал по обету эвокатом, исполнил в ранге центуриона: quod evocatus vovit centuria solvit (CIL. III. 3470). В оставшейся анонимной надписи, найденной в лагере того же легиона в Аквинке, автор посвящения указал, что произведенный в центурионы IV Флавиева легиона Цэцилием Руфином, легатом Августов в ранге пропретора, он исполнил обет, принесённый в знании корникулярия (AE. 1976. 545). В одной любопытной надписи из Рима преторианец в ранге кампидоктора (инструктор по обучению личного состава) I когорты П. Элий Пакат поставил посвящение Nemesi sanctae campestri по обету, который принёс в качестве инструктора (doctor) когорты, причем сделал он это somnio admonitus — «побужденный сновидением» (или «извещённый во сне») (CIL. VI. 533 — ILS. 2088)[23]. Немезиде, названной «царственной богиней», выполнил посвящение и фрументарий Элий Помпеян, обещавший сделать это в чине адъютора; quod adiutor pomisi (sic!) fr(umentarius) posui (IMS. II. 36). Отметим также надпись М. Ульпия Марциала, который в своем посвящении Юпитеру Наилучшему Величайшему, Юноне, Геркулесу (Herclenti) и богам покровителям

---

[22] См. также: Mrohewicz L. Victoria Aug(usta) Panthea Sanctissima // ZPE. 1984. 57. P. 181—184; Bohiliwa V., Kolendo J., Mrohewicz L. Inscriptiones latines de Novae. Poznan, 1992. N 27.

[23] Nemesi sanctae campestri pro salute dominorum nn. Augg. P. Ael. P. f. Aelia Pacatus, Scupis, quod coh(ortis) doctor voverat, nunc campi doctor coh. l pr. p. v. somnio admonitus posuit l(aetus) l(ibens). Надо иметь в виду, что ранг кампидоктора в I когорте, как более почетный, считался повышением.

учебного плаца (Campestribus) указал, что сделал его по принятому обету, после того как был императором Адрианом произведен из декурионов в центурионы: ex decurione factus (centurio) ab imp(eratore) Hadriano leg(ionis) I Minerv(i)ae, voto suscepto (CIL. VI. 31158 = ILS. 2213). А солдат III Августова легиона Л. Граний Гонорат позаботился сделать на свои деньги посвящение Виктории Августе по случаю получения звания декуриона — ob decurionatum (ILAlg. I. 2070)[24]. Т. Флавий Домиций Валериан в 231 г. исполнил обет Фортуне Августе, получив звание центуриона по рекомендации легиона XIV Geminae (AE. 1976. 540). Посвящение [I(ovi)] O(ptimo) M(aximo), [M]arti, Vic[toriae], dii[s] i[u]vantibus, [G]enioque stationis Vaza[iu]itanae сделал бенефициарий III Августова легиона, который после завершения командировки на statio получил повышение, вероятно, в ранг центуриона II Италийского легиона: [...ex]pleta [s]tatione, pr[o]motus ad [(centurionatum)?] leg(ionis) II Italicae v(otum) s(olvit) l(ibens) a(nimo) (CIL. VIII. 10718 = 17626).

Причиной выполнения обета, разумеется, могли быть не только повышения в чинах, но и получение других почетных званий, жреческих или магистратских. Так, во времена Элагабала М. Антоний Прокуллей из всаднических турм принёс дар Вечной Победе Августа по случаю получения почетной должности эдила — ob honorem aedilitatis (CIL. VIII. 9754). Сошлёмся также на две посвятительные надписи из Ламбеза, принадлежащие ветеранам III Августова легиона. Они совершили посвящения и принесли дары счастливой Адриановой курии ветеранов по случаю оказанной им чести в виде должности постоянного фламина — ob honorem flamonii (sic) perpetui quem in se contulerunt. Первый из них, К. Юлий Рогат, бывший разведчик (speculator) посвятил свой дар Меркурию Августу (AE. 1968. 646), а второй, М. Виррий Диадумен (отметивший, кстати, что почетная должность жреца была предоставлена ему в его отсутствие — in se absentem contulerunt), — Виктории Августе (AE. 1916. 22).

Надо сказать, что успешная карьера и почести интересовали не только рядовых и младших командиров, но и офицеров высокого ранга. В этой связи стоит обратить внимание на два памятника. Один из них принадлежит Тенею Лонгу, служившему под началом консуляра Ульпия Марцелла. Когда по приказу императоров (скорее всего, имеются в виду Марк Аврелий и Коммод) он в звании префекта конницы был украшен lato clavo (широкой пурпуровой полосой на тунике — знак сенаторского достоинства) и назначен квестором, он воздвиг алтарь местному британскому божеству Аноцитику (RIB. 1329). Ещё более примечательна вторая надпись, происходящая из Ламбеза и представляющая собой стихотворный текст, в котором от лица префекта лагеря Альфена Вара говорится, что он увидел во сне Отца Либера Биматра (= Bimater, т. е. имеющего двух матерей), рожденного Юпитером из молнии, и получил от него повеление восстановить базу статуи и храм, посвящённый Либеру и

[24] Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste. P., 1989. P. 159. Not. 108.

Пану. Сообщив об исполненном обете, Фортунат просит бога: «Сделай (так), чтобы увидел я Рим и был прославлен почетом и увенчан на службе государям!»[25].

Военная жизнь, безусловно, предоставляла солдатам и немало различных других поводов для обращения за поддержкой богов. В частности, участвуя в боевых походах и выполняя, нередко с риском для жизни, различные миссии вдали от мест постоянной дислокации, воины приносили обеты за счастливое возвращение. Примечательна в этом плане анонимная надпись на фрагменте мраморной колонны из Преслава в Нижней Мезии, датируемая временем правления Александра Севера (AE. 1991. 1378). Она принадлежит солдату I Италийского легиона, служившему бенефициарием консуляра и корникулярием прокуратора. В ней сообщается, что по обету, принесённому, когда он в качестве новобранца отправлялся на Боспорскую войну, он поставил посвящение, чтобы освободиться от многих опасностей в стране варваров благодаря помощи божества, имя которого не сохранилось: quot (sic!) tiro proficiscens in bello Bosporano voverat et adiuvante numene (sic!) [e]ius multis periculis in barbarico liberatus sit merito votum posuit[26]. Три бойца из турмы Оптата воздвигли алтарь Гению своей турмы во исполнение счастливейших обетов (votis felicissimis), посвятив его Непобедимому Геркулесу и всем богам и богиням за здравие Септимия Севера и Каракаллы, а также своих начальников по случаю возвращения своего отряда — ob reditu numeri (CIL. VI. 224 = ILS. 2185; ср. ILS. 2186 — аналогичное посвящение Гению турмы pro salute, itu, reditu et victoria императора Септимия Севера).

В данном контексте стоит также обратить внимание на обычай, распространенный среди солдат-бенефициариев, которые несли службу на отдельных специальных постах. По завершении своей командировки (expleta statione) они имели обыкновение исполнять обеты различным богам, в первую очередь традиционным римским божествам, а также Гениям местности, воздвигая в их честь алтари и посвящения[27].

Обеты богам за удачное возвращение из боевого похода или экспедиции могли исполняться также и командирами частей и подразделений. Военный трибун IV

---

[25] CIL. VIII. 2632 = ILS. 3374 = Bücheler, 1519: Alfeno Fortunato | Visus dicere somno Leiber (sic!) Pater bima|tus Iovis e fulmine | natus, Basis hanc no|vationem Genio | domus sacrandam. | Votum deo dicavi Praf(ectus) ipse castris. Aedes ergo | cum Panisco, Memor | hoc munere nostro | Natis sospite matre; | Facias videre Romam, | Dominis munere, hono|re, Mactum coronatumque. Либер Патер известен также как Гений покровитель Ламбеза. Надпись датируется 161—169 гг. Вероятно, Фортунат принёс и исполнил обет перед поездкой в Рим в связи с повышением по службе. См.: Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste... P. 133.

[26] См. об этой надписи: Nelis-Clément J. Les beneficiarii: militaires et au service de l'Empire (Ier s. a. C. — VIe s. p. C.). Bordeaux, 2000. P. 39; 353.

[27] Подробнее см.: Ibidem. P. 26—44.

Македонского и XXI Хищного легионов в Германии, вернувшись оттуда в Рим, принёс дар Геркулесу Непобедимому (ILS. 2706 = Фёдорова. 182). В 199 г. посвящение Виктории Августе за здравие императоров Септимия Севера и Каракаллы по случаю возвращения в свой лагерь в Верхней Паннонии II Вспомогательного легиона ([ob re]duc(tam) leg(ionem) II Adi.) сделал легат Л. Бэбий Цецилиан (AE. 1976. 544). В большой стихотворной надписи из Бу Нджем (древний Gholaia или Golas в Триполитании), сделанной центурионом III Августова легиона Кв. Авидием Квинтианом и датируемой 202—203 гг., упоминается об общем обете за возвращение войска[28]. В пространной надписи из El-Agueneb в Африке (CIL. VIII. 21567) другой центурион того же легиона сообщает об обетах за здравие императора Марка Аврелия и его легата (по чьей рекомендации он был произведён в центурионы), которые он дал всем богам, отправляясь в экспедицию за львами, и исполнил по возвращении в честь Genio summ[o] Thasuni et deo sive deae, [nu]mini sancto. Примечательно, что, указав дату, когда была сделана надпись (май 174 г.), этот центурион отметил также, что в этот день он был произведён из декурионов в более высокий чин[29].

Надо сказать, что в солдатской эпиграфике находят отражение и другие очень важные ценностные представления. Многочисленные посвящения, совершаемые по разным случаям Гениям легионов, центурий и других подразделений, лагеря, претория, схол, коллегий и т. д., часто в сочетании с богами римского пантеона и (или) туземными божествами, безусловно, свидетельствуют о приверженности солдат и командиров своим боевым соратникам и тем воинским формированиям, в которых проходила их служба[30]. Особенно интересны те посвятительные тексты, в которых

---

[28] IRT. 918—919:

Quaesii miltum, quot memoriae tradere(m),
Agens praecunctos in hac castra milites,
Votum communem, proque reditu exercitus
Inter priores et futuros reddere(m)... etc.

(«Многое, достойное памяти, я узнал, ведя вперед в этот лагерь всех воинов, дабы воздать за возвращение войска общий обет в числе прежних и будущих [обетов?]... и т. д.»). Текст имеет всего 15 строк, написан ямбическим сенаром и представляет собой акростих, заключающий в себе имя самого центуриона. О нем см.: Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste... P. 178. Not. 228 (с основной литературой), а также: Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // JRS. 1999. 89. P. 109—134, где наряду с подробным лингвистическим и литературным анализом этого произведения можно найти дальнейшие библиографические указания и перевод на английский язык всего этого текста.

[29] См.: Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste... P. 380 (с указанием литературы).

[30] О культах различных Гениев в армии подробнее см.: Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Diss. Konstanz, 1973. S. 196 ff.; Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A. The Cult of Genii in the Roman Army and a New Military Deity // ANRW. II. 16. 2 (1978). P. 1542—1555. Ср. также Махлаюк А. В. Армия Римской империи... С. 92; 99.

угадываются действительно неформальные и очень прочные чувства привязанности к своей части и сослуживцам. Так, солдаты III Августова легиона, который был распущен после событий 238 г. Гордианом III и восстановлен спустя 15 лет Валерианом[31], по всей видимости, на протяжении всего этого срока сохранили привязанность к родной части и, вернувшись из Реции в Гемеллы, исполнили обет Виктории Августе (CIL. VIII. 2482 = 17976 = ILS. 531). А Саттоний Юкунд, центурион-примипил этого же легиона, поставил в 255 г. по обету статую Марсу militiae potenti («владычествующему над военной службой») и отметил в своем посвящении, что он первый после восстановления легиона возложил свой центурионский жезл возле легионного орла: primus leg(ione) renovata aput aquilam vitem posuit (CIL. VIII. 2634 = ILS. 2296).

О таких же чувствах свидетельствуют многочисленные посвящения, сделанные различным божествам непосредственно за благополучие и безопасность (pro salute et incolumitate) соратников по легиону или подразделению. Не останавливаясь подробно на надписях этой группы, обратим внимание только на одну очень существенную, на наш взгляд, деталь: в ряде посвящений обет исполняется не только по отдельности, но и одновременно за благополучие и императоров, и воинов[32]. Так, центурион и кампидоктор VII Сдвоенного легиона сделал в 182 г. посвящение Marti Campestri за благо Коммода Августа и конных телохранителей (CIL. II. 4083), а протектор и препозит Виталиан исполнил обет Iovi Optimo Maximo Monitori за благо и невредимость императора Галлиена и воинов вексилляций германских и британских легионов с их вспомогательными войсками (CIL. III. 3228, p. 2382, 182 = ILS. 546). В надписи же центуриона II Августова легиона М. Либурния Фронтона говорится об исполнении аналогичного обета Юпитеру Долихену и N[u]minibus Aug(ustorum) за благо Антонина Пия и легиона (RIB. 1330). Пожалуй, наиболее интересна в этом ряду надпись, в которой сообщается, что в 158 г. за благо императора Антонина Пия, сената и римского народа, а также легата, светлейшего мужа Фусцина, и III Августова легиона и его вспомогательных частей на свои деньги устроил в Ламбезе место для почитания мавретанских богов некий К. Атий (или Катий) Сацердот, не указавший своего чина, но, по всей видимости, солдат или офицер (возможно, ветеран) данного легиона: (diis) Mauris d(e) s(ua) p(ecunia) et locum

---

[31] Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste... P. 463.

[32] О посвящениях легионеров pro salute imperatoris в целом см.: Sánchez-Ostiz C. Castillo y A. Legiones y legionarios en los epigrafes *pro salute imperatoris*: una panoramica // Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrés de Lyon (17—19 Septembre 1998) / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolff. Vol. II. Lyon; P., 2000. P. 733—742. Такого рода посвящения появляются в армии начиная с правления Адриана (Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste... P. 563 et suiv.).

instituit, quos coli... (CIL. VIII. 2637, p. 1739 = ILS. 342)[33]. Здесь мы видим восприятие благополучия императора, государства, народа и войск в нераздельном и органическом единстве. Данный памятник показывает, что и в середине II столетия патриотические чувства отнюдь не были чужды римскому солдату. Любопытно, что они вполне могли сочетаться с поклонением божествам тех регионов, где римские воины несли свою службу. С религиозной точки зрения примечателен также и тот факт, что поклонение Гению и numen императоров нередко сочетается в одном посвящении с гениями воинских частей и подразделений. Например, трибун I Верной конной тысячной когорты вардулов, римских граждан, Флавий Тициан на свои средства поставил алтарь Num(ini) Aug(usti) et Gen(io) coh(ortis) (RIB. 1083), а бенефициарии легата в 216 г. сделали посвящение Юпитеру, Гению императора (Каракаллы) и Гению лагеря (AE. 1963. 45). В позднейшем же из известных посвящений Гению воинской части[34], в надписи на алтаре из Сингидунума в Верхней Мезии, сделанной бывшим префектом легиона, Гений IV Флавиева легиона фактически отождествлен с Гением императоров Диоклетиана и Максимина: Genio leg(ionis) IIII F(laviae) f(irmae) [et] dd(ominorum) nn(ostrorum) Dioc[let]iani [et Maximini] Augg. [A]urel(ius) Maxim[...]ius ex praef(ecto) leg(ionis) eiusdem votum posu[it] (CIL. III. 1646 = ILS. 2292).

Очевидно, однако, что многих солдат в условиях нелегкой службы одолевали и совсем другие чувства, в том числе и тоска, за избавление от которой также надлежало почтить божество. Об этом красноречиво свидетельствует вотивная надпись, сделанная всадником III Августова легиона Элием Севером. Он поставил и посвятил обещанный по обету алтарь Фортуне Августе после избавления от душевной тоски: explicitus desiderio animi sui aram quam voverat Fortunae Aug(ustae) l(ibens) a(nimo) reddidit eamque dedicavit (CIL. VIII. 2593 = 18092 = ILS. 2326).

Посвящение алтарей и других достаточно дорогостоящих вотивов не было, конечно, заурядным эпизодом в повседневной жизни солдат и знаменовало, по-видимому, только по-настоящему значимые события. Впрочем, даже при недостатке средств воины находили возможности проявить свои религиозные чувства, которые, очевидно, были не менее искренними, чем при возведении дорогих посвящений. Другое дело, что свидетельств о подобных проявлениях в нашем распоряжении сравнительно немного. В качестве показательного примера можно сослаться на бронзовую табличку, найденную в Виндониссе (Верхняя Германия), на которой солдат Валерий Терций указал, что посвятил, выполнив обет, курицу Гению XI

---

[33] Ср. с посвящением из Апула в Дакии: Virtuti Ro|manae pr(o) sa[l](ute) | imper(atoris) et s(enatos) [p(opuli)q(ue) R(omani)] | et ord(inis) co[l(oniae) Apul(i), (centurio) C. Iul(ius)] Vale[ns]... (CIL. III. 1116 = ILS. 3802).

[34] Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A. Op. cit. P. 1545.

Клавдиева Благочестивого Верного легиона (AE. 1926. 69)[35]. Это, кстати сказать, наиболее раннее посвящение Гению воинской части[36].

Стоит отметить, что исполнение однажды данного обета представлялось настолько важным делом, что в случае невозможности исполнить его лично соответствующее предписание наследникам включалось в завещание. Так, например, посвящение Парфянской Августовой Победе было сделано по завещанию отставного центуриона времен Траяна (CIL. VIII. 2354 = ILS. 305), а один воин городской когорты в начале правления Коммода приказал в завещании поставить изображение Гения центурии на мраморном основании (CIL. VI. 217 = ILS. 2106); по завещанию центуриона XII городской когорты его сослуживцы построили храм (aedem) Гению центурии за благополучие императора Александра Севера (CIL. VI. 223).

Говоря, далее, о религиозных аспектах профессионально-корпоративного этоса римских солдат, нельзя не сказать о культе различного рода Викторий и о теме победы вообще в армейской эпиграфике. Культ Виктории возник в Риме ещё во времена Ранней республики[37]. В эпоху принципата он, безусловно, занимает особое место в солдатском пантеоне и в сознании солдат и офицеров[38]. И это не удивительно, если учесть, что разгром врага был, по существу, главным предназначением армии, о котором даже в относительно мирные времена нельзя было забывать, тем более, что победы римского оружия теперь неразрывно связывались с правящим императором как носителем высшего империя и ауспиций[39]. Изображения богини Виктории в виде крылатой женщины, держащей венок, не только широко практиковались

---

[35] Ср. также любопытную надпись из большого лагеря в Ламбезе, на которую обратил внимание Я. Ле Боэк (Указ. соч. С. 361—362). В ней один из легионеров обращается к своим товарищам: «Благочестивые люди, желающие отдать свой обол Эскулапу, должны лишь положить его в этот сосуд для пожертвований; этим будет совершено приношение Эскулапу» (BCTH. 1907. P. 255).

[36] Ankersdorfer H. Op. cit. S. 197—198; Speidel M. P., Dimitrova- Milčeva A. Op. cit. P. 1545.

[37] Picard G.-Ch. Les trophées romaines. P., 1957; Weinstock S. Victor and Invictus // HThR. 1957. 50. P. 211—247; idem. Victoria, die Siegesgöttin der Römer // RE. Bd. VIII. 2. 1958. Sp. 2501—2542. См. также: Hölscher T. Victoria Romana. Archäologische Untersuchungen zur Geschichte und Wesenart der römischen Siegesgöttin. Mainz, 1967.

[38] Domaszewski A., von. Die Religion... S. 37—40; Weinstock S. Victoria... Sp. 2529—2531; Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 373—374, ср. также характерное высказывание Тертуллиана: «Викторий вы почитаете за богов, притом тем более почтенных, чем славнее была одержанная победа» (Ad nat. I. 12. Пер. И. Маханькова).

[39] Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley; Los Angeles; L., 2000. P. 278—292. Ср., например, надпись из Lepcis Magna, датируемую 6—8 гг. н. э., в которой речь идет о победе проконсула Косса Корнелия Лентула над гетулами, одержанной auspiciis imp. Caesaris Augusti (IRT. 301).

в монетных выпусках[40] и на разного рода коммеморативных сооружениях, в частности, на триумфальных арках[41]. Богиня изображалась и на солдатских патерах[42], а также на военных знаменах (vexilla)[43], сопутствуя, таким образом, воинам и в быту, и в походах, и во время различных торжественных церемоний. Обращение к конкретным эпиграфическим документам позволяет более детально представить себе, как римские солдаты и офицеры понимали и воспринимали это божество[44].

В посвятительных надписях Победа не только предстаёт как Augusta, т. е. как божество, сочетаемое с личностью императора, не только объединяется в одном посвящении с другими римскими божествами (часто в триаде вместе с Марсом и Венерой), обожествленными понятиями, гениями и туземными богами, но и выступает как Победа или Победы одного или нескольких императоров[45], причем не как победа вообще, но как вполне конкретная, недавно одержанная победа, которая и в этом случае мыслилась как богиня, имевшая собственный культ и даже жрецов[46]. Иногда в надписях мы находим и определённые указания на соответствующие события. Приведём некоторые наиболее, на наш взгляд, показательные примеры. В посвящении, сделанном в 254 г. президом провинции Мавретании Цезарейской М. Аврелием Виталисом и декурионом алы фракийцев Ульпием Кастом в честь Юпитера Наилучшего Величайшего и Гениев, бессмертных богов и Побед непобедимых владык, сказано, что они исполнили обет «по случаю разгрома и обращения в бегство

---

[40] Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995. С. 183 слл.

[41] Hölscher T. Op. cit. Passim; Поплавский В. С. Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М., 2000. С. 236—237.

[42] Так, на одной патере из Паннонии она изображена вместе с Тутелой и Virtus в сопровождении надписи: salvo Augusto Saeculum aureum videamus (CIL. III. 6009, 1). Таким образом, по представлению солдат, как заключает Е. М. Штаерман, цитирующая эту надпись, «золотой век» наступал в результате благополучия императора, его добродетелей и побед (Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 286).

[43] Rostovzeff M. I. Vexillum and Victory // JRS. 1942. 32. P. 92—106.

[44] В целом о проблематике культа Виктории см.: Gagé J. La théologie de la Victoire impériale // Revue Historique, 1933. 71. P. 1—43; Fears J. R. The Theology of Victory at Rome: Approaches and Problems // ANRW. Bd. II. 17. 2. B.; N. Y., 1981. P. 736—826. Ряд интересных наблюдений высказал недавно В. Экк: Eck W. Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. S. 483 ff.

[45] Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 374.

[46] В надписях Коринфа засвидетельствована должность жреца Британской Победы императора Клавдия (sacerdos Victoriae Britannicae), причем первым (или одним из первых) эту должность занимал бывший трибун VI Испанского легиона (Eck W. Op. cit. S. 486. Anm. 17).

варваров» — ob barbaros c(a)esos ac fusos (CIL. VIII. 20827 = ILS. 3000)[47]. На то, что в посвящении имеется в виду конкретная победа, очевидно, указывают и такие эпитеты Виктории, как, например, Парфянская (CIL. VIII. 2354 = ILS. 305 — упоминавшееся посвящение, сделанное по завещанию центуриона времен Траяна) или Германская в посвящении эвоката Вибуллия Феликса, который указал, что ради триумфа Августов (имеется в виду триумф Марка Аврелия и Коммода в 176 г.) воздвиг бронзовую статую ценой в 500 денариев, украшенную трофеями, и подарил ее коллегии[48]. Солдаты III Августова легиона, вернувшиеся в свой постоянный лагерь в Ламбезе после Парфянской войны Септимия Севера (de exp(editione) fel(icissima) Mesopo[tamica]), сделали посвящение [Victoriae Au]ggg. Arab(icae) Adi[ab(enicae) Parth(icae) max(imae) (ILS. 9098). Бывший военный трибун IV Скифского легиона, А. Вицирий Прокул, будучи flamen Augustalis в Рузелле (Этрурия), воздвиг в этой колонии в 45 г. статую во исполнение обета pro salute et reditu et Victoria Britannica Ti. Claudi Caesaris Aug(usti) Germanici (AE. 1980. 457)[49].

Ещё более интересны тексты, где речь идет о победах, одержанных отдельным легионом. В Бригециоие в 207 г. примипил П. Марий Секстиан принёс дар Victoriae Aug(ustorum) n(ostrorum) et leg(ionis) I Adi(utricis) p(iae) f(idelis) (CIL. III. 11082). Некий Валерий Руф исполнил обет Победе VI Победоносного Валериева легиона (CIL. VII. 217).

В некоторых случаях победа предстает не как обожествлённое абстрактное понятие, но в качестве реального или чаемого достижения императора. Интересным памятником с таким пониманием победы является алтарь из Дура-Европос, воздвигнутый по обету Гению Дуры декурионом когорты II Ulpia equitata Commodiana Элием Титтианом «за благополучие Коммода Августа Благочестивого Счастливого и победу нашего владыки императора Умиротворителя Вселенной (Pac(atoris)

---

[47] О каком-то конкретном военном успехе, достигнутом конным вспомогательным отрядом, сообщается также и в плохо сохранившейся надписи из Карлайла (Британия), сделанной префектом Публием Секстанием из civitas Traianensium (совр. Ксантен в Германии) за благополучие самого дедиканта и его соратников в честь каких-то божеств, возможно, спутников или соратников бога Геркулеса: Dei Herc[ulis in]|victi Con[...]|tibus pro sa[lute ipsius et] | commiliton[um caesa manu] | barbaroru[m ab ala Augusta] | ob viru[tem appellata] P(ublius) Sextaniu[s ..... praef(ectus) e civi]|tat(e) Traia[nens(ium) v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)] (RIB. 941). В издании CIL. VII. 924 и в других предлагались иные варианты чтения этого текста, в частности, Con[...]|tibus читалось как Con[sor]|tibus. Их критический разбор см.: RIB. P. 315.

[48] CIL. VI. 3736: [Victo]ri(ae) [German]icae sacrum... [V]ibullius M. f. [Ro]m(ilia) Felix Ateste [ev]oc(atus) Aug(usti) exercit(ator) [ar]maturar(um) voto [po]sui ob trium[phum Au]g(ustorum) [sig]num aereum tropae[is insigne] dedi (quingentis) (denariis) [collegio ar]matu[rarum praetoria]norum.

[49] Eck W. Op. cit. S. 486.

Orb(is))», Непобедимого римского Геркулеса (AE. 1928. 86)[50]. Аналогичные посвящения получают распространение в правление Северов. Примером здесь может служить посвящение Гению конных телохранителей императоров и Геркулесу Непобедимому за здравие и победу и возвращение (reditu) Септимия Севера, его сыновей и супруги (CIL. VI. 227 = ILS. 427).

Надо отметить, что в ряде посвящений Виктория как богиня получает характерные эпитеты, подчёркивающие те ее аспекты, которые, бесспорно, представлялись дедикантам наиболее существенными. В посвящении, сделанном r(es) p(ublica) c(oloniae) L(ambaesitanorum), Победа именуется спутницей божественной Доблести Августов: Victoriae divinae Virtutis comiti Auggg(ustorum trium) (CIL. VIII. 18240 = ILS. 3811)[51]. В коллективном посвящении солдат II Парфянского легиона, сделанном, очевидно, по случаю увольнения в отставку, Победа названа «Возвратительницей (Redux) наших господ императора Филиппа и его супруги Отацилии Северы (ILS. 505 = Фёдорова. 215). В одной надписи времен Элагабала говорится о принесении дара Вечной Победе Августа (CIL. VIII. 9754). Нельзя ещё раз не привести то пышное наименование, которое дал Виктории примипил Л. Максимий Гетулик в уже цитировавшемся посвящении из Novae: Victoria Augusta Panthea Sanctissima (см. выше прим. 22). Любопытнейшей фразой снабдил свое посвящение Мавретанским варварским богам ((Dis) mauris barbaris) Сервилий Импетрат, не указавший своего звания: Victor veni, vic(torem) me fac(iatis) — «В качестве победителя я пришел, так сделайте же меня победителем» (CIL. VIII. 2641 = 18102 = ILS. 4497).

Представление о том, что военный успех является делом богов, находит одно из своих выражений в использовании таких эпиклез, как Victor и Depulsor. Например, в надписи М. Доместия Реститута, центуриона XIII Сдвоенного легиона, обоими наименованиями назван Юпитер (AE. 1944. 28; Апулум, 154 г.), а посвящение бенефициария Сатурнина, помимо прочих богов, адресовано Марсу Виктору (CIL. III. 17626). Сохранялся в императорской армии и культ Юпитера Stator'а (CIL. III. 895 = ILS. 3023 и III. 1089 = ILS. 3010), а также Марса Градива («Шествующего в бой») (например, AE. 1935. 164 — посвящение Marti Gradivo; ср. CIL. VIII. 17625 = ILS. 2399 — Gradivo Patri; ср. также Mars Militaris в RIB. 838). Тесно взаимосвязанным с победой и успехом военных кампаний является, очевидно, и почитание таких божеств, как Bonus Eventus и Fortuna[52], которые часто фигурируют

---

[50] Об этой надписи см. интересную статью: Speidel M. P. Commodus the God-emperor and the Army // JRS. 1993. 83. P. 109—114.

[51] Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste... P. 554.

[52] Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 374. В этой связи стоит напомнить о той значительной, часто даже решающей роли в военных делах, какую приписывают Фортуне многие античные авторы. См., например: Caes. BG. VI. 30. 2: multum cum in omnibus rebus, tum in re militare potest Fortuna. Ср. BC. III. 73. 2; Cic. De reditu M. Marc. 2. 6; Liv. IX. 17. 3; Flor. II. 17. 11; Veget. III. 26.

как Счастливый исход и Фортуна отдельно взятого легиона или войска[53] (ср. особенно CIL. III. 10992: F[o]rtun[ae] fortissima[e] leg(ionis) I Adi(utricis) p(iae) f(idelis) S[ev(erianae)]). Интересны также некоторые эпиклезы Фортуны: Dea sancta Fortuna Conservarix (RIB. 968), Fortuna Redux (ILS. 2472; CIL. III. 10436). Известно также посвящение Numini Fortunae sanctae (AE. 1909. 3). Любопытно, что солдаты охотно ставили изображения Фортуны в лагерных банях, где имелось небольшое святилище, и почитали ее как Fortuna Balnearis (CIL. XIII. 6552 = ILS. 2605)[54].

Надо сказать, что, принося обеты тем или другим богам за победу над врагом, перед началом ли кампании или же в ходе войны, римские солдаты и военачальники следовали древнейшей традиции. Если во времена Республики отправлявшиеся на войну полководцы давали обеты на Капитолии или же приносили соответствующие vota (связанные обычно с возведением храма или дарами богам)[55], то в эпоху Империи такого рода практика определенным образом «демократизировалась». Обеты за победу в индивидуальном порядке приносили не только высокопоставленные военачальники[56], но, как мы видели, и офицеры и даже простые воины.

В рамках настоящей статьи было бы неуместно останавливаться на характеристике всего пантеона почитаемых в армии божеств, тем более что его состав детально изучен и классифицирован в научной литературе, посвящённой как религиозной жизни императорской армии в целом, так и армий отдельных провинций и формирований разных родов войск[57]. Укажем только на три хорошо известных

---

[53] Конкретные примеры см.: Domaszewski A. von. Die Religion... S. 40 ff. О культе Фортуны в военном контексте см. также: Picard G.-Ch. Op. cit. P. 171—174; 374—76; Le Bonniec H. Op. cit. P. 114.

[54] Ankersdorfer H. Op. cit. S. 139, 220.

[55] Weigel R. D. Roman generals and the vowing of temples, 500—100 B. C. // Classica et mediaevalia. 1998. 49. P. 119—142.

[56] Ср. в особенности посвящение из Ламбеза Флавия Леонтия: Iovi Optimo Maximo, deorum principi, gubernatori omnium rerum, caeli terrarumque rectori, ob reportatam ex gentibus barbaris gloriam Flavius Leontius, v(ir) p(erfectissimus), dux per Africam posuit («Юпитеру Наилучшему Величайшему, главе богов, кормчему всех дел, властителю неба и земли, за славную победу, одержанную над варварскими народами, Флавий Леонтий, превосходительный муж, командующий войсками в Африке, поставил». Пер. Е. В. Фёдоровой) (ILS. 2999 — Фёдорова. 348).

[57] Кроме уже упоминавшихся работ, см.: Watson G. R. The Roman Soldier. N. Y.; Ithaka, 1969; Webster G. The Roman imperial Army. L., 1969; Birley E. The Religion of the Roman Army // ANRW. Bd. II. 16. 2. P. 1506—1541; Richmond I. A. Roman legionaries at Corbridge, their supply-base, temples and religious cults // Archaeologia Aeliana. 4th ser. 21. 1943. P. 127—224; idem. The Roman Army and Roman religion // Bulletin of the John Rylands Library. 1962. Vol. 45. № 1. P. 185—197; Martin C. The Gods of the Imperial Roman Army // History Today. 1969. 19. P. 255—263; Speidel M. P. The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1977; idem. Riding for Caesar: The Roman emperor's horse guards. Cambridge (Mass.), 1994; Durry M. Les cohortes prétoriennes. P., 1938; Haynes I. P. The Romanisation of Religion in the auxilia of the Roman Imperial Army from Augustus to Septimius Severus // Britannia. 1993. 24. P. 141—157; Соловьянов И. И. Культы римской армии в Нижней Мезии и Фракии: Автореф. дисс... к. и. н. М., 1986; он же. О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I—III вв. н. э. // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 45—62; Рубцов С. М. О культах римской армии в Верхней Мезии во II—III вв. // Социальные структуры и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 84—95; Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи). Пермь, 1999; он же. Римская армия и культы «умирающего и воскресающего» бога // Из истории античного общества. Вып. 7. Н. Новгород, 2001. С. 57—67; он же. Геркулес и римская армия ранней Империи: (на материале западной части Балкано-Дунайского региона) // ПИФК. Вып. 9. М.; Магнитогорск, 2000. С. 40—47.

момента, принципиально важных для рассматриваемой темы и отчасти получивших освещение в вышеизложенных материалах. 1) Наибольшим распространением во всех формированиях императорской армии пользовались традиционные боги и богини римского пантеона, причем в их трактовке на первый план выходили их военные функции и «ипостаси», так же как и в большинстве из почитаемых солдатами туземных или восточных божеств. Кроме того, только в армии известны культы dii militares и campestres. 2) Немалой популярностью в армейской среде пользовались также культы обожествленных абстрактных понятий, в том числе (и прежде всего) тех, которые были наиболее существенными для военной профессии — Virtus, Honos (также и Honos aquilae), Pietas, Disciplina militaris, Fides и др. 3) Религиозно-культовая практика в римской армии в значительной степени подчинялась принципам иерархии и коллективизма. Иными словами, инициирующую роль играли главным образом командиры разных рангов[58] (не говоря уже о том, что при каждом легионе были собственные жрецы, гаруспики и т. д.), а обеты часто приносились и исполнялись коллективно либо имели в виду благополучие той малой или большой общности, к которой принадлежал солдат. При этом вовсе не исключалось, как видно из приводившихся выше надписей, проявление индивидуальной, частной инициативы. Все это в общем позволяет с полной уверенностью заключить, что «профессиональные» аспекты играли в религиозной жизни армии большую, если не сказать первостепенную, роль[59]. Равным образом они определяли и общий образ мыслей военных людей. Соответствующие ценностные приоритеты наглядно выражены в одном из тех редких эпиграфических текстов, где римский военный высказывается от первого лица вне рамок какого-либо официального или культового акта. Это — стихотворная эпитафия анонимного примипила из Aquae Flavianae (провинция Африка) (AE. 1928. 37), в которой говорится:

optavi Dacos tencre caesos: tenui.

---

[58] Kolendo J. Le rôle du primus pilus dans la vie relegieuse de la légion. En rapport avec quelques inscriptions de Novae // Archeologia. 1980 (1982). XXXI. P. 49—60; Stoll O. «Offizier und Gentleman». Der römische Offizier als Kultfunktionär // Klio. 1998. 80. S. 134—162.

[59] Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 377.

[opt]avi in sella pacis residere: sedi.
optavi claros sequi triumphos: factum.
optavi primi commoda plena pili: hab[ui].
optavi nudas videre nymphas: vidi[60].

Здесь, впрочем, также присутствует непосредственный контакт с божественным миром, если принять на веру сделанное в последней строке признание.

В заключение необходимо затронуть вопрос о характере веры солдат в богов и о том, насколько действенным было ее влияние на конкретное поведение римских военных в тех или иных ситуациях, отвечая на данный вопрос, помимо соображений общего плана (имеющих в виду поразительную распространенность различного рода посвящений, обетов и прочих религиозных актов в солдатской среде, серьезные расходы, требовавшиеся подчас для их выполнения), следует, вслед за Я. Ле Боэком[61], обратить особое внимание на одну немаловажную деталь, встречающуюся в целом ряде вотивных текстов, которая подтверждает весьма высокую степень искренности, глубины и индивидуальности религиозных чувств, присущих солдатам. Некоторые дедиканты, указывая на побудительные мотивы исполнения обета или другого культового действия (например, восстановления и посвящения храма), отмечают, что действовали по непосредственному велению бога. Оно могло быть высказанным, как мы уже видели в двух приведённых надписях, во сне (CIL. VI. 533 = ILS. 2088: somnio admonitus; CIL. VIII. 2632 = ILS. 3374: visus dicere somno Leiber Pater), либо в видении, на что указывают слова ex visu[62]. В некоторых случаях способ, каким было получено божественное повеление, не называется, но просто говорится о приказании свыше. Так, трибун Тиберий Клавдий Помпейян, исполнивший обет Гению VII Сдвоенного легиона, подчеркнул, что сделал это ex iu(ssu) G(enii) (AE. 1971. 208). Аналогичная формула использована и в посвящении К. Юлия

---

[60] Желал держать поверженных даков — я держал (их).
Желал сесть в кресло мира — я сел (в него).
Желал следовать в блестящих триумфах — свершилось.
Желал иметь все преимущества примипила — я получил (их).
Желал увидеть нимф нагих — увидел.

См.: Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 359, где дан перевод этого текста с французского языка. В него мною внесены небольшие поправки с учетом латинского оригинала.

[61] Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 363.

[62] Так, М. Петроний Приск 18 июля 147 г. воздвиг ex visu алтарь неуказанному божеству за благополучие Августа (AE. 1960. 96). Посвящение Минерве Августе за благополучие императоров Септимия Севера, Каракаллы и Юлии Домны сделал опцион III Августова легиона, указав, что поставил алтарь deae patria[e] ex viso (sic!), libent[e] an[i]mo, votuo (sic!) exs[ol]vit (ILAfr. 28). Префект вспомогательной когорты I Hamiorum Sagittar(iorum) ex visu исполнил обет Фортуне Августе за благополучие Л. Элия Цезаря (соправителя Адриана) (RIB. 1778). Также вследствие видения исполнил обет Меркурию и ветеран I Вспомогательного легиона в Бригеционе (CIL. III. 4298 = Штаерман. 1364).

Аполлинариса, центуриона VI Победоносного легиона, в честь Юпитера вечного Долихена и богинь Небесной Бриганции и Салюс: ius. de. Эту аббревиатуру можно прочитать либо ius(su) de(i), либо ius(sus) de(dicavit) (ILS. 9318). Интересна вотивная надпись из Рибчестера в Британии, в которой Т. Флоридий Наталис, центурион и препозит отряда и региона, сообщает, что за благополучие императора Александра Севера и его матери «на свои средства восстановил от основания и посвятил храм в соответствии с ответом бога»: templum a solo ex responsu [dei re]stituit et dedicavit d[e suo] (RIB. 587. Имя бога в надписи не сохранилось; издатели надписи предполагают, что, скорее всего, им мог быть Юпитер Долихен). Побуждение к исполнению обета могло также исходить не от самого божества, а от нумена, как свидетельствует посвящение Юпитеру и Гению места, сделанное консульским бенефициарием Г. Юлием Императом o(b) n(umen) m(onitus) (AIJ. 253 = Фёдорова. 106).

Что касается ответа на вопрос о том, как именно и в какой степени поведение римских солдат в боевой или повседневной обстановке определялось религиозными факторами, то рассмотренный выше материал эпиграфических документов отчасти может быть дополнен свидетельствами литературных источников. Как бы они ни были скудны, тенденциозны и разрозненны в хронологическом плане, их все же нельзя полностью игнорировать. Прежде всего эти источники, относящиеся как к республиканскому, так и императорскому времени, свидетельствуют о такой своеобразной форме религиозности, как суеверия и сильная, простодушно-глубокая вера военных людей в разного рода приметы и предзнаменования. Эти факторы, в ряду других обстоятельств[63], часто непосредственно обусловливали эмоциональные реакции солдатской массы и нередко использовались полководцами в своих интересах либо, напротив, требовали от них проведения определенных «профилактических мероприятий»[64].

В данном контексте нельзя не вспомнить о Сципионе Африканском Старшем, который, по словам Полибия (X. 2. 12), «внушал своим войскам такое убеждение, будто все планы его складываются при участии божественного вдохновения; через то самое подчинённые его шли на опасное дело смелее и с большей охотой» (пер. Ф. Г. Мищенко; ср. Liv. XXVI. 19. 4; 41. 18—19; App. Iber. 73; 88), что особенно ярко проявилось при штурме Нового Карфагена, когда Публий убедил своих воинов в том, что сам Нептун окажет им помощь (Polyb. X. 14. 11—12; Liv. XXVI. 45. 9; App. Iber.

---

[63] Ср. в особенности Caes. BC. III. 72. 4: «Они (помпеянцы после победы под Диррахием) забывали об обычных на войне случайностях, о том, как часто самые ничтожные обстоятельства — будут ли это ложные предположения, или внезапный страх, или *случайный порыв суеверия* (obiectae religionis) — причиняют огромный урон» (пер. М. М. Покровского).

[64] Подробнее см.: Махлаюк А. В. Армия Римской империи... С. 51—52 (с указанием источников, к которым можно также добавить: App. Iber. 26; 85; BC. IV. 101; Plut. C. Mar. 17; Dio Cass. LVI. 24. 5; Tac. Ann. XIII. 41; Hist. III. 24).

88), и они прониклись необыкновенным боевым рвением[65]. Конечно, пример Сципиона, наверное, первой в римской истории харизматической личности, в своем роде исключителен. Важно, однако, подчеркнуть, что использование подобного рода средств морально-психологического воздействия на солдатскую массу возможно лишь при соответствующем ментальном состоянии как этой последней, так и самого полководца. Можно предположить, что не меньшая убеждённость в непосредственном и активном вмешательстве богов была присуща и в гораздо более поздние времена тем римским солдатам, которые, успешно преодолев суровые испытания или встретившись с тем, что они воспринимали как чудо, совершали посвящения божествам природных стихий[66]. Едва ли в таких ситуациях выбор божественных адресатов был случаен.

Выше мы уже указывали на сакральное значение военной присяги. Не повторяя сказанного и не развивая далее эту тему[67], присоединимся к мнению Б. Кэмпбелла, который подчеркнул, что вопрос об эффективности присяги является по существу вопросом о силе религиозного чувства, присущего римским солдатам (каковую, однако, трудно оценить сколь-нибудь однозначно)[68]. Уместно, наверное, было бы в данном контексте обратить внимание на одну деталь в том эпизоде из IX книги «Метаморфоз» Апулея (IX. 39—42), где рассказывается история о незадачливом легионере, у которого избивший его огородник отобрал меч. Помимо всего прочего (а утрата оружия фактически приравнивалась к дезертирству и каралась смертью —

---

[65] Любопытный анализ этого известного эпизода см.: Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. М., 1998. С. 60—85.

[66] Exempli gratia можно сослаться на посвящение ветеранов одного из легионов (вероятно, датируемое 279 г.) [I. O.] M., N[ept]u[no, S]alacea, Nim[phis, Danuv]io, Acauno, di[s deabus]q(ue) omnib(us) (ILS. 9268) (на этом памятнике сохранились изображения соответствующих божеств, Salacea — это, очевидно, Салация, богиня бурного моря, мать Тритона, а Акавн, по-видимому, речное божество). Стоит упомянуть и два посвящения от имени III Августова легиона: одно адресовано Ventis bonarum tempestatium potentibus — Ветрам, владычествующим над хорошей погодой (CIL. VIII. 2610 = ILS. 3935), а второе — I. O. M. tempestatium divinarum potenti (CIL. VIII. 2609 = ILS. 3061). Ср. эти надписи с свидетельством в биографии Адриана, согласно которому накануне прибытия императора в Африку в 128 г. впервые за пять лет выпал дождь (SHA. Hadr. 22. 14). Известное «чудо дождя», происшедшее во время германских походов Марка Аврелия, по официальной версии было результатом молитв императора к Юпитеру-Дожденосцу, изображение которого имеется на колонне Марка (№ 11; 16). Иная версия, но тоже связанная с прямым вмешательством божества (Гермеса), излагается Дионом Кассием (LXXI. 9—10). Ср. Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 363.

[67] См.: Махлаюк А. В. Некоторые ментальные аспекты корпоративности римской армии (I—III вв. н. э.): Дисс... к. и. н. М., 1994. С. 142—152.

[68] Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army: 31 B. C. — A. D. 235. Oxford, 1984. P. 29.

Dig. 49. 16. 3. 13; ср. 49. 16. 14. 1), этот солдат, по словам автора, опасался Гения военной присяги: militaris... sacramenti Genium ab amissam spatham verebatur (Met. IX. 41). Очевидно, в данном случае имеется в виду не Гений императора, которым клялись при принесении присяги[69], но особое божество, имевшее, как свидетельствует посвящение ветеранов из Интерцизы, собственный культ (AE. 1924. 135)[70]. Указание Апулея, конечно, не следует считать исторически достоверным, помня о том, что в данном случае он создавал обобщенный образ; но возможно, что оно потребовалось ему для того, чтобы подчеркнуть одну из типичных, в представлении его современников, черт римского солдата — своеобразную набожность.

В любом случае, как ни комбинировать свидетельства литературных источников, они помогают воссоздать только предельно общую картину религиозности римских воинов. Косвенные данные о месте и роли религиозного фактора в военной жизни мог бы дать анализ содержания полководческих речей, очень многочисленных в сочинениях античных историков. При всей их риторичности и искусственности, они, несомненно, фиксируют и акцентируют те военно-этические ценности, к которым в реальности апеллировали военачальники, обращаясь к солдатской массе, и которые, очевидно, были действительно значимыми для нее. Однако говоря об этих речах в целом, нужно признать, что обращение именно к религиозным чувствам солдат, подчёркивание божественного содействия, ссылки на почетность гибели в бою, дарующей славу и бессмертие (см. особенно Ios. B. Iud. VI. 1. 5), и т. п. отнюдь не имеют в выступлениях полководцев перед войском приоритетного значения, хотя многое зависит и от конкретной ситуации произнесения речи, и от точки зрения самого автора. Тем более сложно установить корреляцию соответствующих риторических пассажей, которые сводятся преимущественно к общим местам, с подлинными мотивами поведения солдат на поле боя или в других обстоятельствах. Даже в тех случаях, когда в этих речах упоминается содействие богов, наряду с ним всячески подчёркивается значимость воинской выучки, опыта и доблести самих римских войск (см., к примеру, Caes. BG. V. 52. 6; Dio Cass. LXII. 11. 3; App. Lib. 42; Ios. B. Iud. VI. 1. 5). Характерно, в частности, что в сочинениях Цезаря, который как никто другой понимал солдатскую психологию и писал, во многом ориентируясь на людей военных, основной упор делается на искусстве полководца, патриотизме и мужестве римлян, что, как отметила Е. М. Штаерман, весьма знаменательно для умонастроения в армии[71].

---

[69] Таково, в частности, мнение, высказанное С. П. Маркишем в комментарии к процитированному месту (Маркиш С. П. Комментарии // Апулей. Апология или речь в защиту самого себя от обвинения в магии; Метаморфозы в XI книгах; Флориды. М., 1956. С. 418).

[70] Speidel M. P., Dimitrova- Milčeva A. Op. cit. P. 1548.

[71] Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 166.

Понятно, впрочем, что в разные эпохи и в зависимости от конкретных ситуаций эти умонастроения могли существенным образом меняться. Но в них всегда не менее важную роль, чем религиозные и моральные факторы, играли сугубо прагматические, земные соображения — упования на знаки отличия, повышения, славу и почести, а главное — на достойное денежное вознаграждение. Примечательно, что иногда к проведению религиозных церемоний и обрядов с чисто римской прагматичностью приурочивались вручение dona militaria и выплата наградных (App. BC. IV. 89; Ios. B. Iud. VII. 1. 3). Император Юлиан, готовясь в Антиохии к походу против персов, не только сам усердствовал в молитвах и толковании предсказаний, но и активно пытался внедрить почитание богов в души своих солдат; однако когда его личного примера и словесных внушений оказывалось недостаточно, то, по словам Либания, «убеждению содействовало золото и серебро и при посредстве малой прибыли воин получал большую, золотом приобретал дружбу богов, властных на войне» (Liban. Or. XVIII. 168. — Пер. С. Шестакова; ср. Amm. Marc. XXII. 12. 6—7). К сожалению, наши источники не позволяют оценить степень воздействия такого рода практики, как и прочих официальных культовых мероприятий, на сознание солдат.

В условиях же гражданских войн чаще всего никакие апелляции к богам не могли сдержать и обуздать солдатскую массу, которая давала выход своим порокам и страстям. Судя по многочисленным фактам, сообщаемым источниками, благочестивый воин превращался — прежде всего в глазах современников, но и в реальности тоже — в безбожного вояку (miles impius), готового на братоубийство и стремящегося к наживе любым, даже самым преступным путем ([Verg.] Dirae. 1. 81).

Естественно, было бы грубой ошибкой преувеличивать сдерживающее и позитивное воздействие религиозной веры на моральное состояние и поведение солдат римской армии во времена поздней Республики и Империи. Недопустимо, однако, и недооценивать огромную сплачивающую, воспитательную и стимулирующую роль religio castrensis в ее различных проявлениях, как официальных, так и неофициальных, проникнутых, как мы могли видеть, не одним только конформизмом, формальной, бессодержательной рутиной стародавних ритуалов и установлений, но также и искренней индивидуальной верой. Вера в богов у солдат императорской армии была неразрывно связана с верностью своим частям и боевым товарищам, с преданностью императору и римскому государству в целом. Religio castrensis освящала и в известной степени формировала наиболее значимые ценностные ориентиры воинской жизни, эффективно помогала сохранять исконные римские традиции (равно как и приобщать к ним тех, кто благодаря службе в армии активно интегрировался в римский мир), психологически облегчала бремя тягот и опасностей,

придавала определённый смысл жизни и службе солдат и командиров[72], а и порой воодушевляла их на героические деяния[73].

[72] Ср. Helgeland J. Op. cit. P. 1473, 1501.

[73] Представляется, однако, малообоснованным мнение Я. Ле Боэка о том, что в период Империи сохранился и получил развитие, сделавшись даже более «демократичным», доступным для простых солдат такой древний обычай, как devotio (особый вид жертвоприношения богам, когда военачальник, бросаясь в гущу врагов и добровольно обрекая себя на смерть, таким образом приносил себя в жертву богам) (Ле Боэк Я. Указ. соч. С. 365—366). Французский исследователь ссылается только на два примера, относящихся к эпохе Империи. Первый относится к императору Клавдию II Готскому, который, по одной из версий (Aur. Vict. De Caes. 34. 3—6), в соответствии с предсказанием Сивиллиных книг сам пожертвовал жизнью во время войны с варварами, принеся требуемую жертву (ср. Epit. de Caes. 34. 3—4). Второй пример (на основе которого и делается вывод о «демократизации» обычая) — это рассказ Иосифа Флавия о подвиге, совершённом во время осады Иерусалима рядовым воином из вспомогательных когорт, сирийцем по имени Сабин, который первый добровольно откликнулся на призыв Тита взобраться на стену осаждённого города и, заявив, что предоставляет себя в распоряжение полководца и готов встретить смерть, бросился на приступ, но, достигнув уже вершины стены и проявив чудеса храбрости, всё же погибает (B. Iud. VI. 1. 6). Данный пример, на наш взгляд, крайне неудачен и не может служить подтверждением вывода автора. Дело не только в том, что иудейский историк не понимал религиозного смысла этого поступка, как указывает сам Ле Боэк. Во-первых, ещё более маловероятно, чтобы этот смысл был лучше понятен солдату-неримлянину. Во-вторых, в предшествующем обращении Тита к солдатам, как его излагает Иосиф, сказано и о бессмертии тех, кто, храбро сражаясь, погибает в бою, и о помощи божества, и о достойном вознаграждении, и о превосходстве римлян в силе и мужестве, но нет ровным счетом никакого намека на принесение жертвы богам. В-третьих, согласно тексту Иосифа, примеру Сабина сразу же последовали ещё одиннадцать воинов — «единственные, кто пожелал соревноваться с ним в воинской доблести», а два дня спустя небольшой отряд из тех солдат, что несли охрану впереди римских валов, скрытно подошли к замку Антонии и заняли стену. Наконец, в источниках поздне-республиканского и императорского времени имеется немало сообщений о героической самоотверженности и самопожертвовании римских солдат и командиров в бою (см.: Махлаюк А. В. Армия Римской империи... С. 163—164), но ни в одном из них, насколько я могу судить, ни прямо, ни косвенно не говорится о чем-то похожем на devotio. Можно обратить внимание и на то обстоятельство, что приблизительно с начала II в. н. э. в римском обществе и в армии вообще существенным образом изменилось отношение к добровольному самоубийству солдат. Оно, по мнению Ж.-Л. Вуазэна, стало рассматриваться не как проявление самообладания и желания господствовать над событиями, но как признак слабости, неудачи и даже преступления, приравниваясь к бегству и дезертирству (Voisin J.-L. Ethique militaire et mort volontaire sous le Haut-Empire: un soldat peut-il se tuer? // Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrés de Lyon (17—19 Septembre 1998) / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolff. Vol. II. Lyon; Paris, 2000. P. 727—732).